

Лесса Каури

ФАЭРВЕРН НАВСЕГДА

Москва
T8 RUGRAM
2020

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
К30

Лесса Каури

К30 Фаэрверн навсегда / Лесса Каури. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 300 с.

ISBN 978-5-517-01960-8

Говорят, у каждого в этом мире... да что там говорить — в любом из миров! — существует своя половинка. А еще говорят, что противоположности притягиваются. Сказки это или истина?

Тамарис Камиди — юная жрица Великой Матери Сашаиссы в одном из самых почитаемых в стране монастырей: Фаэрверне. Когда-то ее насильно отправили служить Богине, и девушка поклялась, что недолго пробудет в стенах храма. Однако со временем и сам Фаэрверн, и Великая Мать проникли в сердце Тамарис, решившей посвятить жизнь служению Сашаиссе. Тем больнее был удар, когда Воины Света — паладины нового бога — разрушили новообретенный дом Тамарис и обратили ее в бегство...

Преследуя отряд налетчиков и желая вернуть украденное из Фаэрверна, Тамарис обнаруживает смертельно раненого рыцаря Викера ар Нирна, преданного своими соратниками. Паладина! Заклятого врага! Впору оставить его гнить в канаве, но Богиня вовремя напоминает девушке о сострадании, которое нужно проявлять даже к убийце. Тамарис решает помочь Викеру, и этот выбор полностью изменит судьбы их обоих...

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-01960-8

© Лесса Каури, 2020
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

Часть первая: Падение Фаэрверна

ПРОЛОГ

— Н у что ты будешь делать? Он опять охотится на дракона! — всплеснула руками няня Ринила, глядя, как смешной маленький человечек с деревянным мечом нападает на стог сена.

Астор, младший брат отважного рыцаря, сидел неподалеку, поедая землянику из лукошка. Ладони и мордаха красные от сока, в голубых глазах — восторг.

— Господин мой Викир, отдохните, выпейте молока!

— Я не хочу!

— Если вы не будете кушать, у вас иссякнут силы для битвы! Все рыцари очень любят покушать! Идите сюда...

Мальчик подошел, лихо засунув клинок за пояс штанов. Смотрел на няню исподлобья, косил в сторону дракона — вдруг очнется и ускользнет?

— Приведите братика, мой господин, — улыбаясь, попросила Ринила, — пусть ваш оруженосец тоже выпьет молока! Нужно быть добрым к своим людям, так учит Великая Мать!

Викир беспрекословно отправился за братом. Притащил его, ревущего, усадил на край покрывала, су-

нул в руки отнятую корзинку с земляникой. Астор сразу успокоился.

— Няня, зачем нужно быть добрым? — сев рядом и получив краюху хлеба и кружку с молоком, спросил Викир.

— Так сердцу легко, коли ты добр к окружающим, — улыбнулась Ринила. — Задумайтесь, мой господин, когда человек делает зло, у него на сердце печаль, и мир вокруг кажется серым. Улыбнитесь своему отражению в воде — и оно улыбнется вам в ответ. Скорчите страшную рожу — и оно напугает вас.

— Напугает? — возмутился Викир. — Я — бесстрашный рыцарь!

Он вскочил на ноги, позабыв о хлебе и молоке, и припустил туда, где в зарослях журчал ручей.

— Вот неумный ваш старший братец, — покачала головой няня, присаживаясь к Астору, — наверное, и правда вырастет настоящим рыцарем! Паладином!

* * *

Пахотная кобылка подо мной к быстрому бегу приучена не была. Такие двигаются неспешно (и куда с плугом спешить?), жуют медленно и больше всего на свете любят дремать, уткнувшись мордой в угол стойла. Если память мне не изменяла, а у неё, у памяти, не было такой привычки, звали лошадку Кауркой. То, что я пыталась выжать из Каурки хотя бы рысь, ей не нравилось. Она зло косила на меня глазом, а едва я спешивалась, норовила наступить на ногу. К сожалению, другой животины не нашла — боевых коней увели налётчики, остальных прирезали, как и другую

скотину. Про эту, оставленную пастись между монастырскими полями в пролеске, забыли...

Каурка попыталась наступить мне на ногу и сейчас, едва я спрыгнула с седла. Легонько шлепнула её по морде, пригрозила: «Не балуй, выпорю!» Не будет от старушки толку. Ей-ей, обменяю в ближайшем городишке на лошадь помоложе и побыстрее. Тем более что мошна полна — о тайниках матери-настоятельницы налётчики не знали.

Из кустов вновь раздался стон. Предыдущий и заставил меня спешиться, перехватить боевой посох — сармато — и осторожно раздвинуть им кусты. Разбойники мне, монахине Сашаиссы, были не страшны, да и не походил стон из кустов на засаду, скорее, на чьё-то глубокое разочарование.

Он лежал лицом вниз, неловко изогнув руку — темноволосый паладин Первосвященника в сияющих доспехах на красном простёганном полотне воинской куртки. Меч с золотой рукоятью валялся рядом. Воспользоваться им мужчина не успел — меж его лопаток торчала чёрная рукоять кинжала. Зато я прекрасно помнила, как четыре дня назад подобные мечи прошивали сверкающими молниями моих сестёр, называли их, будто на вертела новоявленного бога, лишали целей, надежд, стремлений. Жизни лишали.

— Сдохни пёс!

Я ткнула его посохом и плюнула на рукоять кинжала.

Раненый вновь застонал, засучил ногами, словно хотел встать. Его рука скупно шарила по траве, пытаясь нащупать рукоять меча. Даже перед смертью он оставался воином — мне следовало это признать. Я и при-

знала, возвращаясь к Каурке. Вскочила в седло, пятками ударила бока лошади. Приятно, когда слуга лукавого бога, сам одетый как бог, валяется в придорожной грязи и истекает кровью, словно простая свинья!

Бирюзовые глаза Сашаиссы глянули в душу с таким сожалением, что меня затрясло в ознобе. Великая Мать любила всех своих детей, в том числе тех, кто предал её, позабыл, бросив сердце гореть в горниле новой веры. Любила, жалела, болела за них душой. А я... Я была её монахиней!

Молча сползла с седла, поворотила лошадку назад, накинула поводья на куст, чтобы вредная тварь не сбежала. Полезла в заросли. Первые слова появились, когда я начала расстёгивать ремешки его доспеха, желая освободить от стали, и этим словам не стоило касаться детских ушей. Перевернула раненого на бок, осторожно стащила и отложила в сторону грудную пластину. Кинжал вошёл точно в цель, и спинная часть доспеха была пригвождена к паладину как бабочка к альбомному листу. Бросал профессионал — это было ясно и по месту попадания, и по утяжелению клинка — только таким и можно с близкого расстояния пробить доспех. С близкого? Неужели, кто-то из своих?

Белое лицо незнакомца было бы привлекательным, если бы не гримаса смерти, постепенно скрывающая черты. Прямой нос с чётко выраженными ноздрями, узкие губы, брови вразлёт, высокий лоб... Веки закрыты, но я бы поклялась, что глаза у него тёмные, почти чёрные — судя по тёмно-каштановому цвету волос и лёгкой смуглости кожи, сейчас отливающей в зелень.

Взявшись за рукоять кинжала, посмотрела вверх: сквозь ажурную вязь листвы виднелось пыльно-голубое небо конца лета. «Бирюза и мёд твоих глаз, Великая Мать, тепло и сила твоих ладоней, да пребудут со мной! Дай мне силу побороть ненависть, дай возможность исцелить!» Клинок вышел, как по маслу. Хлынула алая лёгочная кровь, тут же окрасила мою ладонь, накрывшую рану. В душе ширилось ощущение могущества, я, будто бутон, раскрывалась навстречу ему, лепесток за лепестком отдавая себя взамен исцеляющей силе Богини. Спустя несколько мгновений поток крови иссяк, спустя ещё немного времени её остатки исчезли с моих рук, с одежды палладина. Остался лишь разрез на куртке — аккуратно заштопать, и не заметишь!

Встала, повела плечами. От божественной силы потряхивало, обдавало жаром, будто в прорубь макнулась. Оглянулась на лежащего. На его лицо возвращались краски. Розовой — не розовой, спать будешь долго, соколик! Спи...

Сделала несколько шагов прочь, баюкая в душе желание вернуться и добить, пока не проснулся. Я не видела его среди тех, кто убивал моих сестёр, но он был там — порукой тому сияющие латы и красная куртка. Даже если я не вернусь, кто-нибудь обнаружит его и прийдёт, чтобы забрать доспехи и меч. Они денег стоят, если знать, кому продать!

«Тамарис, дитя...»

О, нет! Великая Мать, за что?

«Дитя...»

Да будь ты проклят, Воин Света!

Резко развернулась, вернулась. Подхватив лежащего подмышки, потащила к лошади. Пока я затаскивала незнакомца на седло, Каурка стояла смирно, ни укусить не пыталась, ни лягнуть. Не иначе Сашаисса пела ей на ухо свои сладостные песни, от которых мир казался полным любви.

Доспехи и меч паладина спрятала, укутав в собственный плащ. Освобождённый из плена плоти кинжал сунула в голенище сапога — пригодится! Села в седло позади бессильно висящего тела. «Чтоб у тебя кровоизлияние в мозг случилось, скотина! Каурка, это не тебе!» Тронула поводья, возвращая лошадь в состояние мерной ходьбы, а затем и рыси. Не стоит задерживаться долго, коли идёшь по следу!

* * *

Величественные звуки хора неслись над серыми мшистыми камнями, стремясь прямо в голубое небо. Стояла середина лета, когда я прибыла в Фаэрверн, с ужасом и восхищением разглядывая возносившиеся над головой мрачные стены обители. Фаэрверн — один из самых старых и почитаемых монастырей Сашаиссы в стране. Моя тюрьма... Отец утверждал, что это — мое спасение, но с некоторых пор я перестала верить ему, ведь он говорил, будто любит меня, а сам сделал все, чтобы разбить мне сердце, отлучить от человека, без которого оно отказывалось биться! Отец обещал никогда меня не оставлять, а сам предпочел избавиться, отправив сюда, едва я стала доставлять слишком много хлопот. Слава Богине, хоть не приказал сразу принять постриг! Впрочем, я бы и не согласилась. Я и послушание принимать не собиралась, от-

правившись в монастырь, но в последнее время домашняя обстановка напоминала раскаленную жаровню. Все чаще я мечтала вместо ругани услышать тишину, забросить свои попойки и безумства, которые были не чем иным, как протестом против самодурства отца, забросить ради свежего воздуха, крепкого сна и свободы. Что ж... Пока проживу здесь, осмотрюсь. Если решу сбежать и отправиться путешествовать — никто меня не удержит!

За распахнутыми воротами виднелся широкий, мощеный камнем двор. Справа — домик сестры-привратницы, как в любом подобном храме. Перед ним стояла, опираясь на боевой шест, сурового вида старуха, от одного взгляда на которую мне представились карцер в подземелье, хлеб и вода.

— Твое имя, путница? — глядя на меня из-под нависших бровей, спросила она.

У ее ног крутились желтыми пушистикami цыплята, что-то собирая с редких травинки, пробивающихся между камнями. Крутились, совсем не боясь ни сармато в руках привратницы, ни ее грубых, подбитых железом ботинок.

— Тамарис Камиди из Ховенталя. У меня письмо для матери-настоятельница.

Она молча протянула руку. Кожа будто дубленая, темная, сильные пальцы с хорошо развитыми суставами. Такая рука не боялась ни работы, ни боя, и поневоле вызывала уважение. Уж в бойцах по жизни я разбиралась!

Я отдала письмо. На запечатанном сургучом конверте острые крепкие буквы, каждая будто вырублена в бумаге, для которой отец не нашел ни нежности,

ни терпения. Конечно, письмо я прочитала еще в дороге. Велика хитрость подогреть сургуч и аккуратно, ножом, срезать печать, чтобы потом вернуть на место! Мой отец, Стамислав Камиди, или, как звали его приближенные — Стам Могильщик, писал о том, что дочь, то есть я, отбилась от рук, а он не хотел бы видеть ее пропойцей и шлюхой. Потому сильно надеется на Сашаиссу и ее монахинь, умеющих утешать печали, исцелять разбитые сердца и возвращать на путь истинный заблудшие души. Ни слова о настоящей причине моей отсылки, то есть о том, как он предал меня, разлучив с любимым! Из письма следовало, будто я кругом виновата, а он, такой любящий, сильно озабочен моей судьбой. Вранье, все вранье!

Привратница сломала сургуч, развернула лист, быстро пробежала глазами написанное. Посмотрела на меня:

— Обращайся ко мне «тэна», девушка, и следуй за мной!

Она развернулась и пошла прочь. Спеша за ней, я краем глаза заметила, как место тут же заняла одна из крутившихся поблизости помощниц-послушниц. Встала, широко расставив ноги, попирая землю с силой, опираясь на боевой шест — наглядный пример власти Богини. Хм... я уложила бы ее в два счета!

Мать-настоятельница, мэтресса Клавдия, как она представилась, оказалась высокой и худой. Кого-то она мне напоминала, но кого, я никак не могла сообразить. Годы служения смягчили резкое и страстное выражение лица с неожиданно крупными чертами, сделав лоб — гладким, притушив блеск глаз, краски щек и губ. Однако взгляд ее был полон силой не мень-